для Вольтера идеалом трагического поэта, внутренне бесконечно далека от художественной системы Вольтера.

В политических и антиклерикальных трагедиях Вольтера противоречие между драматическим характером героя и его речами проступает гораздо более обнаженно, чем у Корнеля. В век Просвещения психологическое правдоподобие перестает быть эстетической задачей трагедии. Ее смысл — в «публицистическом», по преимуществу декларативном заострении основной политической тенденции или в отдельных злободневных выступлениях, вводимых попутно и не связанных непосредственно с основным содержанием пьесы.

Поэтому в трагедии Вольтера «Брут» изменник Тит произносит такие же пламенные тираноборческие монологи, как его отец, консул Брут, воплощающий республиканскую доблесть и самоотверженность. Поэтому Оросман в «Заире», этот «султан без полигамии», по меткому выражению Лессинга, красноречиво осуждает (с позиций политического публициста эпохи Просвещения) гаремные нравы и сластолюбивых, изнеженных монархов, а условно-мифологический персонаж Филоктет, искусственно введенный Вольтером в сюжет «Эдипа», с пренебрежением говорит о своем царском происхождении, которому он противопоставляет личные заслуги.

Той же публицистической задаче подчинен у Вольтера и прием «саморазоблачения», о котором говорилось выше в связи с комедией.

У великих трагиков XVII века «саморазоблачение» было одним из способов отраженной характеристики, но каждый использовал этот способ по-разному в соответствии со своим пониманием трагического характера, смысла и назначения трагедии. У Корнеля «саморазоблачение» создает трагическую гиперболизацию образа, подчеркивает его «величественность», исключительность, к которой неприменимы обычные повседневные этические критерии (например, Клеопатра в «Родогуне»). Такой герой, согласно теории Корнеля, должен вызывать ужас и одновременно восхищение «величием своей души».

У Расина, напротив, «саморазоблачение» способствует психологическому углублению образа, обнажает смятение и бессилие героя перед властью его собственных страстей, делает даже исключительное правдоподобным и в конечном счете приводит к этическому оправданию героя. Это целиком отвечает эстетической концепции Расина — трагедия должна воздействовать прежде всего через сострадание.

Ничего подобного мы не видим в просветительской трагедии Вольтера. Если попытаться свести к одному слову ее главную цель, то это не ужас и сострадание (как у Аристотеля), не восхищение